

Померанцев К. Человек и современный мир. 7.
Чехов. Поэзия в наши дни // Новое русское слово.
Нью-Йорк, 1955. 31 июля. № 15800. С. 8.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Человек и современный мир

7. Чехов. Поэзия в наши дни.

Мне не всегда был понятен успех Чехова за границей в наше время. Чехов — это типично русский писатель конца материалистически-позитивистского 19 века. И однако он читается на всех языках мира, его пьесы ставятся почти во всех театрах. Образовалась какая-то таинственная связь между чеховскими героями и нашей страшной, апокалиптической судьбой. И связь эта кажется тем более непонятной, что драмы чеховских героев никогда не выходят за пределы чисто личных переживаний, тогда как весь 20 век проходит под знаком социальных, общественных, т. е. экстра-индивидуальных потрясений.

Трагедия современного человечества заключается в трудности, порою в невозможности, согласовать внутреннюю, интимную жизнь человека, с жизнью внешней, социальной. Начиная с конца 18 в. и вплоть до русской революции, человек жил как бы замкнутым в самом себе. Это была эпоха индивидуализма. 18 и 19 вв. создали ту почву, на которой развился и укрепился индивидуализм и его вырождение — эгоизм. Это произошло отчасти потому, что скреплявшие до сих пор человечество религиозные устои, начали слабеть. С некоторым приближением можно было бы сказать, что так называемый век просвещения, великая французская революция, энциклопедисты, права человека и гражданина, — все это было бунтом против этих религиозных основ, и религиозного восприятия мира, столь характерных для сознания Средних Веков. Таким же точно бунтом, каким внутри самой церкви была Реформация.

Человек захотел остаться одним. Одним он и остался. Но видно не написано на человеческом роду, чтобы человек вечно оставался одним — один в поле не воин! На смену бурь религиозных пришли бури социальные.

И вот Чехов был писателем, стоявшим между этих двух эпох: религиозной и социальной. Мне казалось, что ему, до какой-то степени были чужды эти оба начала: религиозное и социальное. Он был занят внутренним существом человека, вне его отношений к этим планам. Поэтому-то мне и был непонятен его успех в наше время. И так продолжалось до тех пор, пока совершенно случайно мне не пришлось прочесть статью Льва Шестова: "Творчество из ничего", посвященную Чехову.

Характеризуя героев Чехова, Шестов говорит, что это все люди, топящиеся до отчаяния и внутреннего опустошения, и для того, чтобы продолжать жить,

принужденные строить эту жизнь из ничего, из абсолютной пустоты, образовавшейся в их душе. И, действительно, все герои Чехова — это, или все потерявшие, или во всем разочаровавшиеся люди. Все они должны начинать жить снова, должны вновь создавать свою жизнь. Но создавать-то нужно из пустоты и из ничего: у них ничего не осталось.

Но творчество из ничего есть посягательство человека на прерогативы Божества. Только Один Бог творит из ничего. Но как же тогда быть человеку? Чехов, а за ним и Шестов повторяют: "Биться головой о стену и кричать, кричать, кричать..." Но этот способ был уже известен еврейским пророкам. Но, быть может, поэтому они и были пророками... и во время этого колочения головой о стену, им открывались предельные тайны: тайны творчества из ничего и растворения всего в ничто?

Не поэтому ли Максимилиан Волошин писал:
Из крови пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах...

Восстанет праведная Русь? Но не обращены ли в наше время в прах все лучшие мечты, все светлые надежды человечества? Не доведены ли все мы, весь мир, до состояния чеховских героев? Все, что у нас было отнято и втоптанно в грязь. Мы живем в еще небывалой внутренней пустоте, в еще небывалом предельном отчаянии. Воистину наступают последние времена и сроки! Нам не за что уцепиться. Приходится все начинать сначала, творить из пустоты и из ничего. И вот этим то, этой пустотой и этим отчаянием близки нам, нашей эпохе, герои Чехова.

Читая Чехова, смотря его пьесы, мы чувствуем, что речь идет о нас самих. Потому что, действительно, если спросить: чем в его основе, является творчество 20-го века? то придется ответить: — это есть творчество из ничего. "Творю из пустоты ненужные шедевры", писал несколько лет тому назад Георгий Иванов. И тут же в этом же стихотворении говорил, что понятию жизни лишь после того, как днями бился головой о стену. Еще раз: испытанный способ библейских пророков!

Посмотрите на современную живопись, — на Пикассо, Бракка, Матисса, Шагалла. Разве можно найти хоть что-нибудь в этой живописи из окружающего художника мира. Все эти образы и краски вывааны к жизни из страшной человеческой глубины, словно из какого-то первоначального хаоса. Быть может даже из пустоты... В таком же положении находится скульп-

тура и музыка. Так же обстоит дело и с поэзией: "Рассыплются слова и не значат ничего", писал тот же Георгий Иванов. Самое верное и поэтому самое страшное, что можно сказать о современных стихах.

Да, слова перестали "значить", перестали "звучать", как это принято говорить на поэтическом жаргоне. Поэт чувствует, что он находится у края, у самого предела, у первичной бездны. Все, что было раньше, рухнуло. Впереди жуткое, ледяное ничто. Поэтому и творить можно только из "ничего". Но мы уже говорили, — это есть посягательство на прерогативы Божества.

Но не сказано ли в Писании: "Говорю вам — вы боги", и не подтвердил ли эти слова Сам Христос: "Дела, которые творю Я и вы сотворите, и больше сих сотворите"?

Мы живем в эпоху слова. Об этом много писалось. Подумайте только о бесконечных радио-передачах, конференциях и речах, что произносятся и передаются на всех языках мира во всех уголках земного шара с утра до вечера и с вечера до утра! Мир живет в подлинном хаосе слов. Вот почему поэзия — искусство слова, космос слова, принимает в наше время совершенно особенное значение. Поэтому-то она так трудна. Вот почему в наше время невыносимо слушать шуточные, юмористические стихи. Они кажутся кощунством, наделательством над словом.

Пусть смутно, пусть бессознательно, но каждый чувствует, что слова опустели и оскудели, они превратились в пустые оболочки. Но ведь только пустые, лишённые обычного, традиционного смысла слова, могут стать подлинной купелью, настоящей чашей для нового живого содержания. Не в этом ли смысл притчи о сеятеле: "Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно умрет, то принесет много плода". Пшеничное же зерно есть слово о Царстве. Поэтому и настоящая поэзия должна быть словом о Царстве.

Древним евреям было запрещено произносить Имя Божие, потому что слово это — это Имя, самим своим звуком оказывало магическое действие на человека. Подобных слов, основанных на магическом сочетании звуков, в древности было много. На этом магическом действии слов были основаны заклинания. Теперь это уже невозможно. Слова превратились в типографскую краску. Вдохнуть жизнь в мертвые слова, в наше время, может только поэзия и в этом ее великая миссия.

Раньше смысл, даваемый словам, шел из традиции и пронизывающей традиции религии. Но традиция и религия в наше время уже не имеют преж-

него влияния на человека. Человечество нашего времени не занимается отношением человека к Богу, как это было в Средние Века, или отношением человека к человеку, как это еще было в прошлом веке. Задачей нашего времени является упорядочение отношений человека к обществу, в отдельном группам людей. Человек нашего времени познает и утверждает себя, противопоставляя себя коллективу и принимая этот коллектив в себя, в свое внутреннее существо. (А не растворяясь в нем, как этого хочет марксизм). Почему это так — это уже совершенно иной вопрос, но это есть факт, те условия, в которых нам всем приходится жить. Не считаться с этим фактом, его игнорировать — это проходить мимо жизни, жить вне эпохи.

Стихи лишь тогда станут поэзией, когда они будут выходить из самой жизни, из самых недр человеческого существа. Но это существо разорвано и опустошено: с одной стороны ощущение Бога, становящееся все смутнее и неуловимей, с другой — все больше и больше наступающее на человека апокалиптическое чудовище коллектива. Вот тот застеноч, куда загнан человек. Вот истинная проблема, задача, если хотите, "социальный заказ" современной поэзии и с нею всего современного творчества: каким образом вернуться к Богу, вернуться из "ничего", из пустоты, из застенка, в котором находится каждый из нас, чтобы затем вернувшись к Богу, к духовному миру, подлинной родине слов, понять происходящее в этом мире, но так понять,

чтобы претворить это понимание в религиозно-поэтическое восприятие мира? Каким образом возратить словам их утерянный смысл, так их соединить и сочетать, чтобы не только через них понять, но и, преобразивши, одухотворить происходящее? Иными словами: каким образом воссоединить через слово две части, на которые разорвался мир и человек: духовную и материальную.

Понимая таким образом поэзию, становится ясным, почему в условиях Советского Союза, не может быть (по крайней мере явного) искусства слова. Ведь это искусство должно обладать не только земным, но и духовным элементом. О нем же в Советском Союзе строгаише запрещено говорить.

Н. Померанцев